

РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ И ВОПРОСЫ ГОРОДСКОЙ ПОЛИТИКИ

УДК 910.3:911.7

ГОРОДСКАЯ СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИФФУЗИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2021 г. К. Э. Аксенов^а, *, М. В. Андреев^а, **

^аСанкт-Петербургский государственный университет, Институт наук о Земле, Санкт-Петербург, Россия

*e-mail: axenov@peterlink.ru

**e-mail: maxander1308@gmail.com

Поступила в редакцию 10.07.2021 г.

После доработки 16.08.2021 г.

Принята к публикации 07.09.2021 г.

В статье определены подходы к исследованию городской символической политики с позиции теории инноваций. Рассмотрена пространственная диффузия важных для Российской Федерации геополитических концепций “неоевразийства” и “пантюркизма” как геополитических инноваций. Проследившая их фазовое развитие с момента зарождения идеи и формирования концепции до политического конфликта и его разрешения, авторы анализируют городскую топонимию и ономастику, памятники и мемориальные знаки, а также городские события, связанные с именами знаковых фигур для неоевразийства (Л. Гумилев) и пантюркизма (И. Гаспринский и др.). В ходе исследования было зафиксировано и описано активное использование городского символизма со стороны различных акторов: от муниципальных, региональных и федеральных властей до международных общественных и политических институтов. Показано, что теория диффузии инноваций, активно применяемая в отечественных и зарубежных общественно-географических исследованиях, обладает эвристической ценностью для изучения распространения геополитических идей и концепций. На основании проведенного анализа авторы приходят к выводу, что городская символическая политика может создавать ресурсы политического пространства для фазового развития инноваций, связанных с геополитическими концепциями, а также их пространственной диффузии. Авторы, на примере установки памятников Л. Гумилеву, И. Гаспринскому и А.-З. Валиди, иллюстрируют символизацию российских общественных деятелей и борьбу с ней как процессы образования и подавления ресурсов развития геополитической инновации в России. В качестве ключевых пространственных особенностей развития геополитических инноваций на территории России, авторы выделяют: процесс миграции ядер инновации; иерархический или каскадный тип косвенной диффузии; “периферийную инновационность”; “оцентривание” инновации; появление “сетевых ядер” инновации.

Ключевые слова: геополитические концепции, геополитические инновации, городская символическая политика, неоевразийство, пантюркизм, пространственная диффузия, городские монументы

DOI: 10.31857/S2587556621060030

ВВЕДЕНИЕ

В постсоветский период максимально возросла значимость выработки новых, а также переосмысления старых геополитических идей и концепций для использования их в трансформационной активности разных субъектов общественной и политической жизни в России (Тяпин, 2017; Якунин, 2005). Масштабы задач таких субъектов разнятся от глобальных (встраивание в новую систему глобальных альянсов и центров силы) — до локальных (усиления влияния на какой-либо территории).

Несмотря на более чем вековую историю научного употребления термина “инновация”, к его определению до сих пор нет единого подхода: ряд исследователей понимают ее как процесс, связанный с распространением, внедрением новшества (Твисс, 1989; Сооке, 1996), другие — как конечный результат такого внедрения (Голдякова, 2006; Барнева, 2007). Общим в абсолютном большинстве подходов можно считать понимание отличия инновации (или нововведения) от новшества, заключающееся в обязательном присутствии (или завершении) процесса внедрения

последнего: “инновация — это выдвижение новых идей и воплощение их в жизнь” (Такер, 2006, с. 17).

Не имея амбиций участия в вековой дискуссии, исключительно для целей настоящей работы мы будем использовать синтетический “процессно-продуктовый” подход (Чуева, 2014) и определять *геополитическую инновацию (ГПИ)* как процесс, включающий возникновение, распространение и внедрение *геополитической концепции (ГПК)* как политического новшества. *Пространственной диффузией* (или просто — *диффузией*) ГПИ мы будем именовать ее *пространственно-временной аспект*.

Развитие геополитического явления включает несколько стадий, первой и обязательной из которых выступает *инновационная*. Геополитическая инновация предполагает исходный “пункт” — место и время возникновения нового или старта трансформации старого геополитического процесса, которому, как и любой другой динамике, свойственно наличие фаз, иногда линейных волн.

Исходя из данной логики, фазами развития полной ГПИ можно считать следующие:

1. Зарождение идеи как основы будущей ГПК. Эта идея отражает и артикулирует общественно значимый интерес, некую коллективную потребность, связанную с пространством, часто неполитическую. ГПИ возникает в ходе синтеза геополитической картины мира и ценностного взгляда на нее, предполагающего “исправление” геополитической действительности. Такая идея создается инноватором или группой инноваторов ГПИ — генераторами общественно значимой мысли: учеными, философами и т.д.

2. Возникновение политического требования на основе идеи и формирование ГПК. После возникновения общественно значимой идеи происходит ее политизация, первичным проявлением которой выступает сформированное и озвученное политическое требование (Аксенов, 1993), после чего происходит ее распространение и адаптация в пространстве и времени (подробнее о геоадаптации ГПИ см. (Елацков, 2017)). При этом идея приобретает новое значение и новый смысл посредством формирования на ее основе политического интереса. Здесь речь идет об общественно значимом интересе, готовом перерасти в реальные действия политического субъекта.

3. Мобилизация ресурсов в интересах целей ГПК (общественно-политическое движение). Эта фаза подразумевает процесс привлечения социальных и других типов ресурсов политического пространства для последующей борьбы за желаемый результат, в нашем случае — дальнейшее развитие

(реализацию) геополитической инновации. Данная фаза описывается в рамках *теории мобилизации ресурсов* из социологической теории общественных движений (Дж. МакКартти, М. Зальд, Дж. Дженкинс, М. Олсон и др.) (Здравомыслова, 1990).

4. Формирование, деятельность политических институтов в интересах концепции (в рамках общественно-политического движения или/и органов власти). Для обоснования этой фазы ГПИ стоит определить институты как высшую устойчивую форму социальной организации, формулирующей цели и задачи своей деятельности и подчиняющей, в свою очередь, артикулированное мнение и поведение участников институционального объединения интересам организации (Зазнаев, 2005).

5. Политический конфликт. На основе мобилизации ресурсов политического пространства и деятельности политических институтов возникает новая фаза, суть которой заключается в формировании политического отношения и политической борьбы, основывающейся на “пересечении” противостоящих друг другу общественно значимых интересов политических субъектов в пространстве и во времени (Аксенов, 1993).

6. Разрешение конфликта. Данная фаза предполагает окончание конфликта как политического отношения. Завершение конфликтной фазы подразумевает реализацию той или иной ГПИ в пространстве и во времени через победу или поражение политического субъекта, устанавливающего относительный контроль над частью территории и социума. Другим результатом конфликта является “поражение” ГПИ в виде перехода, “отката” на предыдущие фазы, либо же в исключительных случаях полной потери ГПИ, что, в сегодняшней действительности, представляется весьма маловероятным в свете разнообразия носителей ГПИ, всевозможных ресурсов политического пространства.

ГПИ на основе какой-либо концепции может проходить не в одну волну, например в связи с тем, что в первую волну интерес, лежащий в ее основе, не был реализован какой-либо стороной конфликта (участвовавшей в первой волне или появившейся новой), или новая волна может происходить на новой территории. При этом вторая и последующие волны не будут проходить все фазы: в зависимости от обстоятельств они могут начинаться со второй, третьей и последующих фаз. Прохождение фаз может быть не строго последовательным — фазы могут перекрываться во времени, ускоряться и пропускаться (Тревиш,

2009). Представленная выше хронологическая последовательность скорее относится к условным стартовым периодам указанных фаз.

Вслед за В.Л. Бабуриным, мы считаем, что "...города и городские системы совмещают в себе функции аттракторов и генераторов инноваций, а городские подсистемы, каждый отдельный город — это своеобразная летопись инновационных процессов в нашей стране за минувшее тысячелетие" (Бабурин, 2002, с. 114).

Город должен рассматриваться как максимально концентрированная среда адаптационных коммуникаций агентов коммуникативной сети (Lenntrop, 1953; Rogers, 2003). Распространение геополитической концепции как инновации подразумевает создание "почвы" для передачи идей другим общественным субъектам — наличие знаковых, символических субстанций, т.е. специфических ресурсов политического пространства. Связывая город как центр геополитических инноваций с ресурсами "поддержки" таких инноваций, мы подходим к важности рассмотрения такого явления, как *символическая политика*.

Вслед за рядом авторов, под символической политикой региона (города, территории) мы будем понимать стратегию и тактику управленческой, политической, бизнес-элиты, социальных групп и других влиятельных на данной территории акторов, направленную на достижение собственных (или общественно значимых) целей через использование символов. Соответственно под символическим менеджментом понимаются технологии, ведущие к достижению целей такой политики (Абалмасова, 2012; Гельман, 2003; Малинова, 2010).

Большинство авторов разделяет пространственные направления, по которым реализуются цели символической политики и менеджмента, на внешние по отношению к территории и внутренние (Абалмасова, 2012; Гельман, 2003; Федотова, 2018). Очевидно, что в нашем исследовании диффузионных процессов оба аспекта имеют принципиальное значение и выступают их движущими факторами.

Урбанистические знаки или носители символов следует отделять от смыслов, которые могут с ними связываться индивидами и их группами, и воспринимать скорее как ресурс для использования реальными и потенциальными акторами общественно-политических процессов (Россия..., 2000; Федотова, 2018; Eisenstadt, Schluchter, 1998).

Символические ресурсы используются в стратегиях политических акторов, и ведут к тому, что существующие в обществе идентичности "транслируются" в политическую повестку, тем самым становясь политически значимыми (Гельман,

2003)¹. Акторы символической политики формируют и транслируют смыслы, связанные с урбанистическими знаками или носителями символов, в процессе социальной коммуникации превращая их в политические дивиденды (Бурдые, 2001; Федотова, 2018). Как пишет Д.Н. Замятин, в результате "мир предстает воплощением определенных схем интерпретации" (Замятин, 2003, с. 3), при этом пространство кодируется человеческим сознанием в виде тех или иных образов (Замятин, 2004).

В представленной работе мы постараемся определить некоторые подходы к исследованию практических результатов внедрения ряда важных для современной России геополитических инноваций, базирующихся на использовании геополитических концепций. Исследование призвано ответить на следующие вопросы (не претендуя на полноту возможных интерпретаций). Как можно определить пространственные особенности диффузии геополитических инноваций в Российской Федерации? Какую роль в данном процессе играет городская символическая политика?

ДАННЫЕ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЙ

В качестве главного методологического аппарата мы используем положения теории пространственной диффузии инноваций (Hägerstrand, 1967) и ее разновидности применительно к политико-географическим исследованиям (Rogers, 2003). А.Н. Журавлев определял политическое нововведение (инновацию) как процесс политизации территориальной общности, имеющий волновой характер и идущий через изменение традиционной политической культуры (Журавлев, 1993). С таким подходом можно согласиться, оговорившись, что изменение традиционной политической культуры может происходить при различных типах воздействий: *идеологических* (появление новых политических идей и целых идеологических систем), *институциональных* (развитие новых или реформирование старых политических институтов, движений), *электоральных* (появление новых тенденций в голосовании) и других (Туровский, 2006). Как будет показано далее, данные типы вполне могут представлять собой не отдельные инновации, а стадии, фазы или формы проявления одной инновации. При таком подхо-

¹ В настоящее время в Западной Европе и Америке сносятся памятники и снимаются ономастические посвящения таким иконическим фигурам, как Х. Колумб, главы государств, реформаторы и другие. Если смыслы установки были связаны с ролью этих личностей в развитии государственности и общества, то демонтаж и осквернение — с представлениями об их причастности к работорговле, расизму и нацизму. http://www.gazeta.ru/politics/2020/06/14_a_13116979.shtml (дата обращения 15.03.2021). Постсоветская революция символов описана в литературе (Малинова, 2010).

де проявление всех указанных типов в одной инновации можно интерпретировать как максимально полное осуществление всех возможных фаз и форм в данной инновации, проявление же всего одной или нескольких из них — как частичное.

Именно пространственное распространение является основной причиной волновой природы инновации (Журавлев, 1993). Пространственный диффузионный подход к исследованию инновации основан на сравнении пространственно-временных иерархий (проявлений, волн, фаз и пр.) исследуемого явления, в ее исследованиях иерархический (в частности, центр-периферийный) подход становится ключевым методом.

Исходя из всего вышесказанного, при исследовании пространственной диффузии геополитических инноваций, дабы не упустить процессы, находящиеся на начальных фазах развития, мы сконцентрируем исследовательское внимание на:

- **геополитических концепциях**, как практически обязательной и начальной стадии развития почти любого геополитического процесса, зародившихся на территории России;

- **городах**, как потенциальных ядрах распространения геополитических инноваций.

Рамки статьи не позволяют осуществить всеобъемлющий анализ пространственной диффузии исследуемых геополитических инноваций, в связи с чем ограничен объект: города (потенциальные ядра инновации), — и выбран только один аспект: взаимосвязь процесса диффузии геополитических инноваций, основанных на ГПК, и городской символической политики, как одного из важных инструментов и пространственных индикаторов реализации данного процесса.

В рамках научной геополитики разнообразные географические представления, дискурс, знаки и символы, имеющие геополитическое значение, изучаются известной школой критической геополитики (Дж. О'Тоал, Дж. Эгнью и др.). Другим подходом, близким к этому, выступает интерпретационная модель в социологии П. Бурдьё, также связанная с теорией дискурса. Учитывая важность политико-социологического фрейма в анализе взаимосвязей символизма и политического поведения, в нашем исследовании мы отдадим предпочтение последней.

Существенной особенностью использования для реализации символических стратегий именно урбанистических носителей символов (в отличие, скажем, от СМИ) являются *длительность их существования, закреплённость в ткани города* (особенно в форме мемориалов и ономастических объектов) (Гельман, 2003, с. 94). Наименование улиц, установка памятников и проведение памятных мероприятий описываются П. Бурдьё как власть номинации — они как никакой другой ресурс способствуют официальному закреплению ценности и формирует ее легитимность и публич-

ное признание (Федотова, 2018). Урбанистическое пространство названий, окружающих индивида с самого детства, памятников, имен в названиях улиц, библиотек и пр., вероятнее всего, кодируется его сознанием в виде априори позитивного восприятия таких образов (Замятин, 2004).

П. Нас, Р. Яффе и А. Самуэлс также отделяют городские символы от их носителей (знаков) выделяют четыре типа таких носителей: *материальные* (все, что выражено в материальных структурах), *дискурсивные* (проявляемые в публичных дискурсах), *иконографические* (символические для города персоны²) и *поведенческие* (разного рода общественно значимые события) (Nas, 2011; Nas et al., 2006).

Из всех таких знаков, как проявлений городского символизма, мы остановимся на трех, которые кажутся нам наиболее важными для исследуемой темы и которые представляют все четыре типа описанных выше материальных носителей символов: *городская топонимия и ономастика (1–3 типы)*; *городская иконография, представленная главным образом новыми памятниками и мемориалами (1–3 типы)*; *городские события (3–4 типы)*. При выборе этих проявлений для нас было важно, что все эти проявления в максимальной степени подвержены регулированию местных и региональных властей, следовательно, могут прямо или косвенно свидетельствовать о публичной приемлемости для них того или иного символизма. Последний факт в российских реалиях существенным образом влияет на возможность рассматривать сами власти в качестве одного из субъектов диффузии соответствующих геополитических инноваций.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Спектр геополитических концепций, формирующий современную политическую повестку в РФ широк: начиная от развития разнообразных национализмов, заканчивая диффузией глобальных концепций, типа Евро-Атлантизма или панисламизма (Жаде, 2007а, б). Из всего многообразия геополитических концепций мы выбрали две, имеющие корни на территории России (т.е. реально или потенциально проходившие все фазы инновации на территории нынешней РФ): *неоевразийство* и *пантюркизм*. Этот выбор обусловлен также тем, что одна из этих ГПИ (пантюркистская) — историческая и проходила как минимум две волны, одна из которых была завершённой. Другая же (неоевразийство), находящаяся на подъеме своей первой волны, — продукт последних десятилетий. При анализе развития диффузионного процесса

² В работе термин “иконографический” и производные от него употребляется строго в данной коннотации.

Таблица 1. Фазы и волны неоевразийства как ГПИ на территории современной России

НЕОЕВРАЗИЙСТВО			
Фазы ГПИ	Содержание	Даты (годы)	Ядро(а)
	Первая волна		
1. Зарождение идеи	Классическое евразийство Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Л.П. Карсавина, Г.В. Вернадского, П.П. Сувчинского, Г.В. Флоровского, Н.Н. Алексеева и других	1920–1930-е	Прага, София, Берлин, Париж
	Основные публикации и образовательная активность Л.Н. Гумилева , образование научной школы (Аксенов, 2006; Лавров, 2007; Bassin, 2016)	1960–1980-е	Ленинград
2. ГП концепция	Появление политического требования и ГПК (А.Г. Дугин и др.) (Аксенов, 2006; Bassin, 2016)	1990-е	Москва
3. Мобилизация ресурсов 4. Формирование, деятельность политических институтов	Образование научных государственных институтов и общественных организаций (Евразийский союз молодежи ¹ , Международное евразийское движение ² , Информационно-аналитический портал “Евразия” ³ и др.), символическая политика властей ряда субъектов РФ и федеральной власти ⁴ , назначение сторонников концепции экспертами и советниками федеральных органов власти ⁵	конец 1990-х – наст. вр.	Казань, Москва, Интернет-сеть (online)

Примечания:

¹ <http://rossia3.ru/> (дата обращения 06.04.2021).

² <http://med.org.ru/> (дата обращения 06.04.2021).

³ <http://evrazia.org/> (дата обращения 06.04.2021).

⁴ В Татарстане официально спонсируемое современное евразийство, которое сосредотачивается, в частности, на историографии Гумилева, используется с целью утверждать, что современное российское государство является продуктом “евразийских степей и территорий Славянской Руси” (Bassin, 2016).

⁵ <http://amp.info-about.ru/3072740/1/dugin-aleksandr-gelevich.html> (дата обращения 09.03.2021); <http://whoiswhopersona.info/archives/119512> (дата обращения 09.03.2021).

и городского символизма в свете ГПИ рассмотрим основные положения упомянутых геополитических концепций, географические центры их формирования, а также сопоставим с атрибутами городского символизма, соответствующими неоевразийству и пантюркизму.

В качестве пространственных рамок данного исследования развития инноваций неоевразийства и пантюркизма выступает современная территория Российской Федерации.

Неоевразийство. Геополитическая концепция неоевразийства выступает прямым политизированным и актуализированным для современности правопреемником политико-философских идей евразийства, сформулированных в трудах представителей евразийского движения русской

эмиграции 1920–30-х годов: Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Л.П. Карсавина, Г.В. Вернадского, П.П. Сувчинского, Г.В. Флоровского, Н.Н. Алексеева и других. Основными центрами развития евразийской мысли в постреволюционные годы стали такие европейские города, как Прага, София, Берлин и Париж. Весомый вклад в развитие идей евразийской направленности внес Л.Н. Гумилев (Ленинград), научное наследие которого в последнее десятилетие советского периода широко использовалось для развития новых представлений относительно геополитического, цивилизационного положения исторической России и актуализации этнополитической проблематики. (Ерасов, 2017; Якунин, 2005). Появление идей евразийства следует трактовать как составную

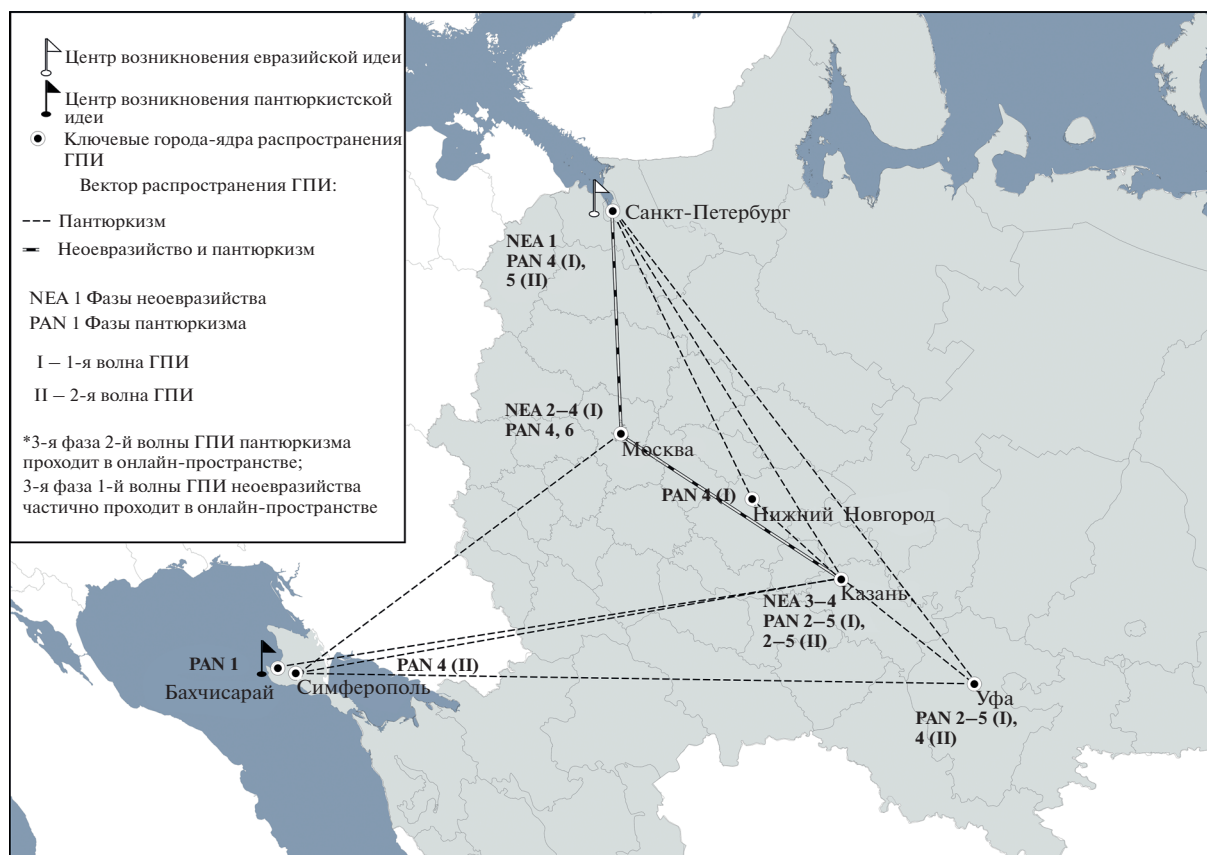

Рис. 1. Развитие ГПИ неоевразийства и пантюркизма на территории РФ.
 Составлено на основе данных, приведенных в табл. 1 и 2.

часть первой фазы ГПИ неоевразийства (табл. 1, рис. 1).

Современное евразийство или неоевразийство в значительной мере обязано развитию идей в теории Л.Н. Гумилева. Несмотря на то, что его наследие находится исключительно в рамках науки, оно прочно укрепилось в качестве одной из главных основ российского геополитического дискурса (Аксенов, 2006). К представителям такого дискурса, переведшим неоевразийство в разряд ГПК, в академической среде принято относить таких российских мыслителей, как А.С. Панарин, В.Л. Цымбурский, Ф.И. Гиренок, А.А. Проханов, А.Г. Дугин, В.М. Коровин, П.Е. Суслов и другие.

Вторая фаза ГПИ, протекающая в Москве на протяжении 1990-х годов (см. табл. 1, рис. 1), включает формирование общей концептуальной геополитической платформы неоевразийцев: отказ от реализации либерального “западного” (или евроатлантического проекта) на территории России и бывшего СССР, переосмысление геополитической реальности и предложение новых

путей успешного противостояния “экспансии” Запада (Дугин, 1997).

С конца 1990-х годов проявилась государственная институционализация неоевразийства в виде назначения главных идеологов и сторонников данной геополитической концепции советниками и экспертами при федеральных органах государственной власти РФ: с 1998 по 2003 г. А.Г. Дугин являлся советником Председателя Государственной Думы РФ³; П.Е. Суслов, председатель Исполнительного комитета Общероссийского политического общественного движения “Евразия”, работал (как и А.Г. Дугин – с 2012 г.) экспертом Консультативного совета по проблемам национальной безопасности при Председателе Государственной Думы РФ⁴.

³ <http://amp.info-about.ru/3072740/1/dugin-aleksandr-gelevich.html> (дата обращения 09.03.2021).

⁴ <http://whoiswhopersona.info/archives/119512> (дата обращения 09.03.2021).

Таблица 2. Фазы и волны ГПИ пантюркизма на территории современной России

Фазы ГПИ	ПАНТЮРКИЗМ		
	Содержание	Даты (годы)	Ядро(а)
Первая волна инновации			
1. Зарождение идеи	И. Гаспринский и его школа ¹ (Васильева, 2011)	1880-е–1910-е	Бахчисарай
2. ГП концепция	Г. Исхаки (Терехов, 2011), Х. Максуди (Красовицкая, 2020), Ю. Акчура (Васильева, 2012), А.-З. Валиди ²	1900-е–1910-е	Казань, затем Уфа
3. Мобилизация ресурсов	Мобилизация сторонников в Татарстане, Башкирии, Поволжье и на Урале (Красовицкая, 2020; Кульшарипов, 2010)	1910-е	Казань–Уфа
4. Формирование, деятельность политических институтов	Формирование многочисленных организаций, союзов (Хабутдинов, 2013) Мусульманская фракция в Государственной Думе как “трибуна” продвижения концепции (Усманова, 1999)	1906–1917	Санкт-Петербург
	Съезды Союза мусульман (состоявшиеся и планируемые) как трибуна продвижения концепции (Хабутдинов, 2013)	1905–1906, 1914, 1917	Нижний Новгород, Санкт-Петербург, Москва, Казань
	Создание штата Идель-Урал (Закиров, 2007а, б) ³	1–28 марта 1918	Столицы и органы госуправления в Казани , затем Уфе
	После создания в 1918 г. Татаро-Башкирской Советской республики – попытки создания пантюркистского государственного образования в зоне контроля Чехословацкого корпуса и правительства А.В. Колчака ⁴	1918	
5. Политический конфликт	Борьба между автономистскими/сепаратистскими целями штата Идель-Урал и пантюркистских организаций и центральной властью большевистского правительства (Гатауллин, Зайнутдинов, 2019), затем – правительства А.В. Колчака (Кульшарипов, 2010; Наумова, 2003)	1917–1918	Уфа Казань
6. Разрешение конфликта	Государственное подавление: ликвидация штата Идель-Урал (Гатауллин, Зайнутдинов, 2019), преследование и эмиграция отказавшихся от сотрудничества с РСФСР организаторов движения и институтов	1918 – середина 1980-х	Москва
Вторая волна инновации			
3. Мобилизация ресурсов	Появление организаций, групп интересов и сетевых ресурсов, активное сетевое обсуждение проблематики с позитивной коннотацией ⁵ Группы в социальных сетях численностью 20–50 тыс. человек (в среднем): “Курултай Тюркских Народов” (Facebook), “Свободные тюрки” (Facebook), “Лига Тюркских Народов” (Facebook) и другие (Аминов, 2020) Группа в “ВКонтакте” ЕТН (“Единый тюркский народ”) ⁶	2010-е – наст. вр.	Интернет-сеть (online)

Таблица 2. Окончание

Фазы ГПИ	ПАНТЮРКИЗМ		
	Содержание	Даты (годы)	Ядро(а)
4. Формирование, деятельность политических институтов	Символическая политика властей, деятельность формальных и неформальных организаций, в том числе зарубежных (Аватков, 2018; Киреев, 2015) ⁷	1991 — наст. вр.	Казань, Уфа, Симферополь
5. Политический конфликт	Конфликтное обсуждение идей, например, задержки с установкой памятника Максуди в Казани в связи с ухудшением российско-турецких отношений ⁸ и фигур лидеров ГПИ в обществе и в сети (например, приостановка решения об установке памятника Валиди в Уфе и др.) ⁹ Конфликт вокруг переименования улицы Фрунзе в Заки Валиди ¹⁰ Протестный активизм. Выступление представителей общественности против наличия памятника А.-З. Валиди в стенах СПбГУ, его снос по решению прокуратуры ¹¹ Федеральное государственное противодействие развитию связей тюркских регионов с турецкими институтами и организациями (Аватков, 2018) ^{12, 13}	2010-е — наст. вр.	Казань, Уфа, Санкт-Петербург, Москва
	Общественная платформа “Свободный Идель-Урал” открыла отделение в Лондоне ¹⁴ Татарские и эрзянские активисты объявили о создании общественной платформы “Свободный Идель-Урал” ¹⁵	2010-е — наст. вр.	Лондон, Киев

Примечания:

¹<http://www.sonar2050.org/publications/vyzov-pantyurkizma-i-evraziyskiy-otvet/> (дата обращения 09.03.2021).²<http://www.sonar2050.org/publications/vyzov-pantyurkizma-i-evraziyskiy-otvet/> (дата обращения 09.03.2021).³Идель-Урал (рус. *Урало-Поволжье*) — территория проживания основной массы татар, башкир и других народов Поволжья (Исхаков, 2010).⁴<http://realnoevremya.ru/articles/111665-tatary-i-grazhdanskaya-voyna-milli-idare-v-petropavlovsk> (дата обращения 09.03.2021).⁵http://proufu.ru/news/novosti/99425-vlasti_bashkirii_ne_zametili_yubileya_osnovatelya_avtonomii (дата обращения 06.03.2021); <http://www.idelreal.org/a/30994408.html> (дата обращения 06.03.2021).⁶<http://kazanfirst.ru/interviews/398694> (дата обращения 05.03.2021).⁷<http://www.tatar-inform.ru/news/official/15-05-2019/rustam-minnihanov-vstretilsya-s-aktivom-tatarskoy-obshchiny-v-stambule-4942592> (дата обращения 08.03.2021).⁸<http://regnum.ru/news/polit/2041848.html> (дата обращения 07.03.2021).⁹Решение о сооружении памятника в Уфе было принято в 2009 г., когда президент республики М. Рахимов подписал указ о праздновании в 2010 г. 120-летней годовщины со дня рождения А.-З. Валиди. После ухода М. Рахимова в отставку проект установки памятника Валиди в Уфе натолкнулся на резкое неприятие со стороны ряда общественных организаций и активистов местного отделения КПРФ и был приостановлен. <http://www.idelreal.org/a/30994408.html> (дата обращения 06.03.2021).¹⁰<http://ufa1.ru/text/gorod/2015/12/08/55160601/> (дата обращения 09.03.2021).¹¹Всемирный курултай башкир выразил озабоченность и попросил прокуратуру и СПбГУ разъяснить ситуацию с установленным и снесенным на территории вуза бюстом Ахмет-Заки Валиди. <http://www.interfax.ru/russia/746156> (дата обращения 09.03.2021); <http://regnum.ru/news/society/3167911.html> (дата обращения 26.02.2021).¹²Мы не склонны относить такие единичные случаи к началу 6-й фазы.¹³<http://regnum.ru/news/polit/2041848.html> (дата обращения 07.03.2021).¹⁴<http://www.idelreal.org/a/29721437.html> (дата обращения 07.03.2021).¹⁵<http://www.idelreal.org/a/29114642.html> (дата обращения 07.03.2021).

Таблица 3. Роль городского символизма в диффузии геополитических инноваций

Имя		Уличные памятники и мемориальные знаки	Городская топонимия	Ономастика городских объектов	Городские события	Прочее
Л.Н. Гумилев	В России	памятники: Санкт-Петербург, Казань, Горно-Алтайск, Бежецк (Тверская обл.) мемориальная доска: Санкт-Петербург, Бежецк	улица: Элиста (Калмыкия), Октябрьский (Башкортостан)	музей-квартира: Санкт-Петербург школа: Бежецк Центр Льва Гумилева: Москва	конференции: Санкт-Петербург, 2001 ¹ , 2012 ² , 2012 ³	горная вершина в Кош-Агачском районе Республики Алтай
	За рубежом	—	—	Евразийский Национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Нур-Султан (ныне – Астана, Республика Казахстан)	—	—
Исмаил-бей Гаспринский	В России	памятник: Симферополь, Бахчисарай	улица: Симферополь, Бахчисарай, Керчь, п. Советский микрорайон: Евпатория, Казань	дом-музей: Бахчисарай библиотека: Симферополь	ежегодный детский футбольный турнир: Евпатория	Медаль Гаспринского – гос. награда Республики Крым
	За рубежом	памятник: Эскишехир (Турция)	улица: Эскишехир, Гекчеада, Измит (все – Турция), Херсон (Украина)	—	—	—
Гаяз Исхаки	В России	памятник: Чистополь, с. Кутлушкино (все – Татарстан)	улица: Казань, Чистополь, Альметьевск, Набережные Челны, Мамадыш, Азнакаево, Сарманово, Алексеевское (все – Татарстан). Октябрьский (Башкортостан)	мемориальный музей: с. Кутлушкино (Татарстан)	—	—
	За рубежом	—	—	—	—	—

Таблица 3. Окончание

Имя	Уличные памятники и мемориальные знаки	Городская топонимия	Ономастика городских объектов	Городские события	Прочее
Юсуф Акчура	В России	–	улица: Казань	2015 – Международная конференция памяти: Казань, Ульяновск, д. Старотимомошкино ⁴	–
	За рубежом	–	улица: Стамбул, г. Джейхан, ил Адан, Средиземноморский регион, г. Алашехир, ил Манис, Эгейский регион (все – Турция)	–	–
Садри Максуди	В России	памятник: Казань ⁵	улица: Казань, Альметьевск, с. Семиозерка (все – Татарстан)	–	–
	За рубежом	–	улица: Стамбул (Турция)	–	–
Ахмет-Заки Валиди	В России	памятник: Ишимбай, Сибай, д. Утяково, с. Темясово, с. Кузяново (все – Башкортостан) памятная доска: Уфа, Стерлитамак (все – Башкортостан), Санкт-Петербург	улица: Уфа, Стерлитамак, Ишимбай, Мелеуз, Учалы, д. Радио, с. Большеабишево и другие проспект: Салават сквер: Ишимбай (все – Башкортостан)	Национальная библиотека Башкортостана: Уфа школа: Ишимбай (Башкортостан) Центр тюркских исследований СПбГУ: Санкт-Петербург	Обществ. премия, медаль Академии Наук: Башкортостан
	За рубежом	–	–	ТЮРКСОЙ объявил 2010 г. годом Ахмет-Заки Валиди	–

Примечания:

¹ <http://www.museum.ru/N5533> (дата обращения 07.03.2021).² http://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_science/news/23983/ (дата обращения 07.03.2021).³ <http://www.herzen.spb.ru/main/activity/conf/Gumilev/> (дата обращения 05.03.2021).⁴ <http://handvorec.ru/novosti/mezhdunarodnaya-nauchnaya-konferentsiya-yusuf-akchura-nasledie-i-sovremennost/> (дата обращения 09.03.2021).⁵ <http://eadaily.com/ru/news/2016/12/19/otkryv-pamyatnik-maksudi-tatarstan-priznal-sebya-tureckoy-provinciey-mnenie> (дата обращения 05.03.2021).

Наряду с институционализацией отмечаются действия по мобилизации социальных и других ресурсов посредством использования, в частности, интернет-платформ, связанных с продвижением неоевразийского дискурса. Это свидетельствует о нахождении данной ГПИ на 3-й–4-й фазе — в процессе формирования институтов как инструментов поиска ресурсов для реализации ГПК (см. табл. 1).

В современной городской символической политике, связанной с ГПИ неоевразийства, центральную роль играет личность советского ученого, историка Л.Н. Гумилева. Определяя ключевые символы неоевразийства, согласимся с М. Ларюэль относительно особой значимости Л.Н. Гумилева не только в развитии современного евразийского движения, но и в отношении большого влияния данной фигуры на привлечение новых сторонников современного евразийства: “Л.Н. Гумилев, специалист по миру тюрков-кочевников, со временем и особенно после смерти сделался в России чуть ли не объектом поклонения” (Ларюэль, 2000, с. 4).

По результатам анализа городского символизма на территории РФ, связанного с именем Л.Н. Гумилева, нами были выявлены: семь мемориальных объектов в пяти российских городах — две улицы, носящих имя ученого; два города; одна школа; один музей; а также центр имени Льва Гумилева. В перечень городов, где имеется данный ресурс для развития инновации неоевразийства, попадают: Санкт-Петербург, Москва, Казань, Бежецк (Тверская обл.), Горно-Алтайск, Октябрьский (Респ. Башкортостан) и Элиста. В отличие от первых трех из упомянутых городов, в остальных имеющиеся символические ресурсы имеют латентный потенциал и пока не позволяют конкурировать за статус ядер ГПИ первого порядка (табл. 3).

Таким образом, мы отмечаем, что символическая политика городских и республиканских властей способствует распространению символических ресурсов, создавая “ресурсные” условия для пространственно-временного развития ГПИ неоевразийства.

Пантюркизм. Данная ГПК пересекается с возникшими в конце XIX — начале XX вв. идеологическими концептами *тюркизма, политического тюркизма, тюркского национализма, пантуранизма, турецкого евразийства*, частично панисламизма и т.д. Часто эти идеологические концепты даже рассматриваются в качестве синонимов (Абдирашидов, 2011; Landau, Landau, 1995). Обходя дискуссию по данному вопросу, следует четко определить границу пантюркизма и остальных

идеологических концептов, связанных с тюркской проблематикой. Нас прежде всего интересует такой геополитический концепт, который затрагивает не просто идею и политику объединения тех или иных регионов с проживанием тюркских, финно-угорских народов, рассматриваемых, к примеру, пантуранистским направлением, но и *формирование общетюркской идентичности* как для поволжских, кавказских, крымских тюрков, так и для анатолийских и среднеазиатских. Таким идеологическим концептом выступает *пантюркизм* (Сенюткина, 2007).

Часто в научной литературе, публицистике и особенно в СМИ пантюркизм постулируется в качестве ГПК “Турецкого мира”, продвигаемого Турцией, т.е. имеющего экзогенное происхождение по отношению к России (Аватков, 2018). Однако, по нашему мнению, ключевой стороной развития пантюркизма на российской территории являются эндогенные процессы.

Основоположником идеи, положенной в основу пантюркистской концепции, является представитель крымско-татарского народа *И. Гаспринский*⁵. Основным направлением развития идей, связанных с объединением и поддержанием идентичности тюркских народов, стала его публикационная деятельность, издание газет и журналов на тюркских языках (см. табл. 2). Идеи И. Гаспринского включали как вопросы общетюркского единства, так и мусульманского. Основанием для отнесения И. Гаспринского к пантюркизму является его изобретение общетюркского литературного языка на основе упрощенного турецкого языка с элементами татарского языка⁶. И. Гаспринский разработал концепцию объединения тюрко-татарских народов Османской и Российской империй в единую федерацию (Червонная, 1992), а также стал автором формулировки, которая определила программу пантюркизма, лозунг, который был широко распространялся в рамках тюркского интеграционного проекта как призыв к всемирному тюркскому единству: “*Dilde, Fikirde, Iste birlik*” (рус. “Единство в языке, вере и делах”) (Тихонова, 2018). Данный этап развития идеи пантюркизма следует отнести к 1-й фазе ГПИ.

На этапе формирования инновации пантюркизма в границах Российской империи

⁵ Далее мы приводим сведения о знаковых фигурах российского пантюркизма, описывающие только их принадлежность к данному направлению мысли и политической деятельности. Иные биографические данные намеренно опускаются, как не относящиеся к теме исследования.

⁶ <http://ru.krymr.com/a/27626652.html%20%20> (дата обращения 06.03.2021).

(2-я фаза ГПИ) особую роль в выработке политического требования сыграли следующие представители российской тюркской интеллигенции: Ю. Акчура⁷, Г. Исхаки (Терехов, 2011), С. Максуди⁸, А.-З. Валиди^{9, 10}, Г. Ибрагимов¹¹ и другие (см. табл. 2).

Если неоевразийство, как сравнительно недавняя ГПИ, проходит свою первую волну, то пантюркизм, проявившийся в качестве ГПИ на рубеже XIX и XX вв., в настоящее время, очевидно, находится, как минимум, на второй волне. Можно утверждать, что в ходе первой волны пантюркизм прошел все 6 выделенных выше фаз ГПИ. Вторая началась сразу с третьей стадии, используя первую и вторую фазы первой волны. Каждая из этих фаз описывалась не только в содержательных, но и в пространственно-диффузионных параметрах (см. табл. 2, рис. 1).

В контексте рассмотрения символической политики субъектов РФ мы обратили внимание на те проявления городского символизма (городские события, памятники, названия улиц и другие объекты), которые связаны с именами исторических личностей, ассоциируемых с пантюркистским движением на территории России¹² (см. табл. 3).

Официальные власти Республики Татарстан и Республики Башкортостан очевидно конкурируют за лидерство в российской пантюркистской инновации, используя схожие средства: как через символическую легитимацию пантюркистской инновации на “своей” территории, так и “вовне”

ее, на федеральном уровне. В такой политике используется намеренное таргетирование, нагружающее символы разными смыслами для разных аудиторий. Примером выступает символическая политика, проводившаяся в Крыму в постсоветское время. На полуострове располагаются два памятника, которые посвящены *И. Гаспринскому* (в Бахчисарае и Симферополе). На памятнике И. Гаспринскому в Симферополе, установленном в 1998 г., рядом размещены две надписи¹³. На русском языке — по *региональной национальной проблематике*: “Исмаил Гаспринский — выдающийся просветитель крымско-татарского народа”, а на тюркском — с *глобальной пантюркистской коннотацией*: “Исмаил-бей Гаспирали — всемирно известный мыслитель, издатель, просветитель, писатель и общественный деятель, который боролся за единство тюркских народов”.

Надпись на памятнике *Л.Н. Гумилеву* во дворе СПбГУ отсылает к *неоевразийству* и демонстрирует общедоверительные претензии на лидерство Татарстана в этой ГПИ: “Россия сохранится только как Евразийская держава и только через Евразийство. Лев Гумилев. От Республики Татарстан”. Надпись на мемориальной доске на доме Гумилева в Санкт-Петербурге уже подчеркивает значение Татарстана в *тюркизме*: “Здесь жил и работал с 1990 по 1992 год выдающийся историк и тюрколог Лев Николаевич Гумилев. От Республики Татарстан”. Монумент же в Казани несет исключительно *национально-этническую коннотацию*, но на русском языке: “Я, русский человек, всю жизнь защищаю татар от клеветы. Л.Н. Гумилев”. Примеры можно продолжать.

Промежуточные выводы. Из материалов табл. 1 и 2 очевидно, что, *во-первых*, ядра в обеих геопо-

⁷ Роль Ю. Акчуры (род. в Симбирске) в формировании тюркского политического движения очень значительна. Он ратовал за создание политического Союза всех тюркских народов с центром в Турции. Деятельность Ю. Акчуры знаменовала переход пантюркизма в новую фазу: от культурно-просветительского (как его мыслил И. Гаспринский) к политическому движению (Ауанасова, 2009, с. 7). Впоследствии политическая концепция пантюркизма Ю. Акчуры оказала огромное влияние на идеологическое становление Турции, став официальной идеологией при Ататюрке, после распада Османской Империи. Несмотря на то, что в дальнейшем влияние взглядов Ю. Акчуры на политическую жизнь Турции ослабло, его идеи нашли отражение во многих документах, в частности Партии националистического движения Турции (Юсуф ..., 2017).

⁸ Уроженец Казани, ученик И. Гаспринского, в качестве политика: был депутатом Государственной Думы России (1907–1912), председателем парламента и правительства Национально-культурной автономии мусульман тюркотатар Внутренней России и Сибири (ноябрь 1917), руководителем провозглашенного в 1918 г. штата Идель-Урал (“Забулачная республика” — Казань, Уфа), подавленного большевиками и продолжившего свое формирование в зоне действий Чехословацкого корпуса, затем администрации А.В. Колчака. После эмиграции в Турцию — советник президента Ататюрка, депутат парламента Турции (1931–1939, 1950–1955), выдвигался кандидатом в президенты Турецкой Республики. Как ученый: автор нового направления “История тюркского права”, трудов в области тюркской истории, лингвистики (Красовицкая, 2020).

⁹ <http://www.sonar2050.org/publications/vyzov-pantyurkizma-i-evraziyskiy-otvet/> (дата обращения 09.03.2021).

¹⁰ Родился в с. Кузяново, Уфимская губерния. В 1918 г. был одним из создателей, политических и военных руководителей Башкирской автономии (Оренбург, Уфа), затем последовательно под управлением Чехословацкого корпуса, А.В. Колчака и РСФСР; автор идеи создания государства Башкурдистан и Киргизо-Башкирской Советской Республики. В Туркестане А.-З. Валиди стал одним из руководителей басмаческого движения, войдя в ряды тюркских национал-автономистов, участвовал в проведении общетюркских курултаев, а также в создании единой тюркской партии-организации “Национальный союз Туркестана”. Автор научных трудов по тюркской истории (Тоган ..., 1997). «В Турции Зеки Велиди Тоган (Заки Валидов) прославился тем, что занимал наиболее последовательные позиции в вопросах объединения всех тюрков, а во время Второй мировой войны создал секретное общество “Гювен”, ориентированное на союз с Германией и расчленение СССР» (Турция ..., с. 417).

¹¹ <http://www.idelreal.org/a/galimjan-ibragimov/28987029.html> (дата обращения 06.03.2021).

¹² Варианты данной ГПК представлены в Турции и других странах тюркского мира (Аватков, 2018).

¹³ <https://www.shukach.com/ru/node/22037> (дата обращения 21.06.2021).

литических инновациях мигрировали между российскими городскими центрами от фазы к фазе и даже внутри одной фазы. В одних случаях это происходило “органически”, например, в связи со сменой локации акторов, в других — в результате политической борьбы. Эта борьба могла быть связана напрямую с соревнованием за лидерство в инновации (как в ряде случаев между Казанью и Уфой в пантюркистской инновации), а могла быть связана с внешними силами, как например, действиями центральных правительств или обстоятельствами войны. Так, даже в незавершенной ГПИ неоевразийства можно наблюдать миграцию ядра из Ленинграда-Санкт-Петербурга в Москву и включение в эту конкуренцию Казани. В ходе обеих волн пантюркистской инновации ядро мигрировало как минимум между Бахчисараем, Санкт-Петербургом, Казанью, Уфой, Москвой (см. рис. 1).

Во-вторых, можно зафиксировать появление (и исчезновение) в разных фазах вторичных центров инноваций. Так, среди них можно назвать Нижний Новгород и Симферополь, возможно Симбирск (подробнее об этом процессе — ниже) (см. рис. 1).

В табл. 3 мы представили данные проявления городского символизма в современных российских и зарубежных центрах, использующие имена и иконографику обсуждавшихся выше знаковых для рассматриваемых инноваций персон.

Данные табл. 3 через проявления городского символизма фиксируют признаки как городов-ядер, так и периферии ГПИ в виде вторичных городских, сельских центров и территорий. Используя эти материалы, можно проследить различные стратегии и тактики символической политики разных акторов ГПИ, как российских, так и зарубежных. Так, очевидна активная политика турецких властей и организаций по стимулированию символических, институционных, событийных и прочих действий в поддержку пантюркистской инновации в российских центрах¹⁴.

Все три представленные таблицы иллюстрируют значительную часть проявлений пространственных политических диффузионных процессов, суммированных Р.Ф. Туровским (Туровский, 2006). Так, зафиксированное нами распространение ГПИ через проявления в центрах второго, третьего и т.д. порядков относится к *иерархическому, или каскадному типу косвенной диффузии*. Между такими центрами идет конкуренция за ресурсы, привлекаемые с помощью данной ГПИ. Так, в числе главных центров событийных мероприятий

пантюркистской направленности заявил о себе Ульяновск, как место жительства (или родина) одного из идеологов пантюркизма и международного политика Ю. Акчуры, а также его родственницы — супруги и сподвижницы И. Гаспринского. В 2015 г. Первая международная конференция памяти Ю. Акчуры физически проходила в трех местах: Казани, Ульяновске и деревне Старотимошкино Ульяновской области (родовое имение Акчуриных). Организаторы, участники и авторы научной публикации по итогам данной конференции представляли Турцию, Татарстан, Ульяновскую область и Республику Крым¹⁵. Татарстанский Чистополь претендует на особый мемориальный статус, связанный с именем Г. Исхаки¹⁶. Вторичный центр неоевразийства, судя по элементам символической политики, формируется на Алтае (см. табл. 3). Интересен в данном контексте процесс борьбы против установки “главного” памятника А.-З. Валиди в Уфе, который привел к тому, что по сути “символическая” инновация в отношении легитимации данного имени широко распространилась по всей республике, а именно республиканская столица демонстрирует максимальное сопротивление ее адаптации. В результате сразу несколько городов Башкортостана претендуют на статус символического лидера, связанный с именем Валиди.

Последний пример вполне возможно интерпретировать и как “*периферийную инновационность*” (Туровский, 2006), ситуацию, когда ввиду сопротивления столичной среды в Уфе, роль символического инноватора взяла на себя городская и сельская периферия Башкортостана (см. табл. 3).

Данный пример добавляет характеристик и упомянутому выше *процессу миграции ядер* — “диффузии через перемещение” (Туровский, 2006). Так, проигрывая “внутреннюю” борьбу за использование имени А.-З. Валиди на своей территории, соревнование за статус российского ядра данной инновации Уфа ведет другими средствами и на внешних территориях¹⁷. Так, памятник А.-З. Валиди был подарен министерством культуры Республики Башкортостан и установлен в Санкт-Петербурге на публичной территории федерального государственного учреждения — СПбГУ. В обсуждаемом контексте мы склонны интерпретировать такое действие не только как одно из средств легитимации подобных фигур на федеральном уровне, но и как демонстрацию сво-

¹⁵<http://handvorec.ru/novosti/mezhdunarodnaya-nauchnaya-konferentsiya-yusuf-akchura-nasledie-i-sovremennost/> (дата обращения 10.03.2021).

¹⁶http://samtatnews.ru/2018/10/30/и-территория-запущена-и-бюст-почти-па/?doing_wp_cron=1599344696.3448009490966796875000 (дата обращения 15.03.2021).

¹⁷<http://utv.ru/material/zaki-validi-geroj-ili-vrag-rasskazyvaem-pochemu-v-pitere-snosyat-ego-pamyatnik-v-bashkirii-net/> (дата обращения 10.03.2021).

¹⁴<http://eadaily.com/ru/news/2016/12/19/otkryv-pamyatnik-maksudi-tatarstan-priznal-sebya-tureckoy-provinciey-mnenie> (дата обращения 05.03.2021); <http://posredi.ru/pantyurkizm.html> (дата обращения 09.03.2021); <http://www.business-gazeta.ru/article/146579> (дата обращения 16.03.2021).

его инновационного лидерства в ГПИ средствами экстерриториального символического менеджмента. Однако в конце января 2021 г. разгорелся скандал вокруг памятника Валиди в стенах СПбГУ. По итогам выступления представителей общественности против наличия памятника¹⁸ А.-З. Валиди в стенах СПбГУ, произошел снос памятника по решению прокуратуры. Такое событие сигнализирует о подавлении данного символического ресурса развития инновации пантюркизма.

Аналогичная интерпретация относится и к уже упомянутому памятнику Л.Н. Гумилеву, установленному там же Республикой Татарстан, а также к мемориальной доске (от Татарстана) на его доме в Санкт-Петербурге. Нам кажется очень показательным, что две республики (и их две столицы) одинаковыми методами символической политики на территории не просто одного города федерального значения, но и одного федерального учреждения, экс-территориальными методами борются за статус ядер и лидеров ГПИ.

Противоположную направленность “периферийной инновационности” демонстрирует процесс, который мы бы назвали “*оцентриванием*” инновации. На нескольких примерах проявления и на разных уровнях пространственного масштаба мы наблюдали тенденции перехвата статуса ядра инновации ближайшим к месту ее реального зарождения (или главного мемориального статуса) центром (городом). Так, если реальным местом зарождения и протекания 1-й фазы 1-й волны пантюркистской инновации был Бахчисарай, то во вторую волну таким центром становится Симферополь (главные памятники, ономастика, символические события и знаки имени И. Гаспринского сосредоточиваются в Симферополе, как республиканском центре (см. табл. 3)). Пример иного пространственного уровня: обсуждается возможность переезда “мемориального” музея Г. Исхаки из его родного села в районный центр Чистополь, поскольку там его содержать экономически целесообразнее¹⁹.

Мы также должны отметить появление “**сетевых ядер**” инновации. В современных информационных реалиях как идеи 1-й фазы инновации, так и развитие 2-й фазы (возможно, и других) могут протекать без привязки к определенному центру и даже территории. Даже если для каких-то (например, регуляторных) целей выявление физиче-

ского места зарождения того или иного инновационного процесса и может иметь значение, то в остальном значение той или иной территории для ГПИ может иметь либо символическое (как, скажем, идея “гроба господня” для ГПИ крестовых походов или “земли обетованной” — для сионизма), либо сугубо прикладное значение для “офлайновых” политических процессов. Тем не менее, даже если ядра инновации приобретают “вне-пространственный” сетевой характер, то от этого прочие диффузионные элементы и процессы не прекращаются: адаптационные свойства территорий, да и борьба за “офлайновое” символическое и политическое лидерство, как мы описали, остаются актуальными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы зафиксировали и описали активное использование в рамках процесса диффузии ГПИ разных форм городской символической политики различными акторами: от муниципальных и региональных властей, до федеральных и международных общественных и политических институтов. Подтверждено, что символическая политика может создавать ресурсы политического пространства для фазового развития инноваций, связанных с геополитическими концепциями, а также пространственной диффузии таких ГПИ, в том числе используя, в полном соответствии с интерпретационной моделью П. Бурдые, расхождение в смысловой интерпретации конкретного символа (памятника) между *инициаторами* его установки и *различными политическими акторами*. При этом одна и та же “иконографическая” фигура способна использоваться сторонниками *различных геополитических концепций* в своей символической политике. Так, памятник Л.Н. Гумилеву во дворе филологического факультета СПбГУ может рассматриваться как ресурс неоевразийства, мемориальная доска в том же городе — как проявление пантюркистских интерпретаций, а памятник в Казани — националистических. С учетом того, что все указанные символические объекты были установлены с участием одного государственного актора — Правительства Татарстана — очевидно, что важнейшей составляющей в городской символической политике властей РФ должно стать тщательное прогнозирование ее последствий. Описанный в работе случай с памятником А.-З. Валиди в Санкт-Петербурге — наглядный пример просчета в подобной политике.

Установлено, что:

— Целый ряд городов, вне российских столиц, в своей символической политике претендуют на статус ядер ГПИ, еще раз демонстрируя, что схожесть не всегда предопределяет центральность в ГПИ. Хотя для закрепления своего статуса ядра ГПИ нестоличные города (регионы) в своей

¹⁸Причиной тому стали электронные обращения на сайте СПбГУ в адрес руководства университета, в которых заявители указывали на недопустимость наличия памятника А.-З. Валиди из-за его связи с прогерманскими коллаборационистами во время Второй мировой войны (см. табл. 2).

¹⁹http://samtatnews.ru/2018/10/30/и-территория-запущена-и-бюст-почти-ра/?doing_wp_cron=1599344696.3448009490966796875000 (дата обращения 15.03.2021).

символической политике активно используют столицы.

— На разных стадиях и фазах разные города конкурировали за статус ядер рассмотренных ГПИ, в результате чего, в частности, происходил процесс перехвата лидерства в ГПИ и миграции их ядер.

— Один город в своей символической политике может претендовать на статус ядра не одной, а сразу нескольких ГПИ (российские столицы, Казань).

— В ГПИ на территориях РФ (в том числе в ее регионах) может реализовываться символическая политика внешних по отношению к этим территориям, в частности, зарубежных акторов.

В качестве ключевых пространственных особенностей развития геополитических инноваций на территории России, в работе выделены и описаны: процесс миграции ядер инновации; иерархический или каскадный тип косвенной диффузии; “периферийная инновационность”; “оцен-тральнивание” инновации; появление “сетевых ядер” инновации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абалмасова Н.Е. Технологии “symbolic management” в российской региональной политике // Вестн. Волг. гос. ун-та. Сер. 4, Ист. 2012. № 1 (21). С. 132–137.
- Абдирашидов З. Исмаил Гаспринский и Туркестан в начале XX века: связи–отношения–влияние. Ташкент: Akademnashr, 2011. 385 с.
- Аватков В.А. Тюркский мир и тюркские организации // Мировая политика. 2018. № 2. С. 11–25. <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2018.2.26047>
- Аксенов К.Э. Идеи Л.Н. Гумилева и современная российская геополитика // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 44–53.
- Аксенов К.Э. Пространство и политика. Концептуальные подходы к изучению особой предметной области // Региональная политика. 1993. № 5. С. 62–81.
- Аминов Э.Р. Специфика сетевого взаимодействия сторонников радикального пантюркизма // Причерноморье. История, политика, культура. 2020. № 29. С. 28–36. <https://doi.org/10.35103/SMSU.2020.18.15.004>
- Ауанасова А.М. Распространение идеи тюркизма в XIX – начале XX века в среде интеллигенции // Вестн. ЗКГУ. Вып. 3. 2009. С. 7–17.
- Бабурин В.Л. Инновационные циклы в российской экономике. М.: Едиториал УРСС, 2002. 120 с.
- Барнева А.Ю. Инновация как экономическая категория // Инновации. 2007. № 9. С. 61–63.
- Бурдые П. Практический смысл / пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко / отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
- Васильева С.А. Основные принципы пантюркистской идеологии и их эволюция // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 3. С. 272–274.
- Васильева С.А. Пантюркизм на современном этапе: теоретическая база и практическая деятельность // Социум и власть. 2011. № 3. С. 75–78.
- Гатауллин А.Г., Зайнутдинов Д.Р. От Татаро-Башкирской Советской Республики к Татарской Автономной ССР: историко-правовой анализ // Научный Татарстан. 2019. № 2. С. 36–52.
- Гельман В.Я. Политические элиты и стратегии региональной идентичности // Журн. социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 4. № 2. С. 91–105.
- Голдякова Т.В. Понятие и классификация инноваций // Российский внешнеэкономический вестн. 2006. № 2. С. 20–27.
- Дугин А.Г. Основы геополитики. М.: Арктогея, 1997. 608 с.
- Елацков А.Б. Общая геополитика: вопросы теории и методологии в географической интерпретации. М.: Инфра-М, 2017. 251 с. <https://doi.org/10.12737/21203>
- Ерасов Б.С. Социокультурные и геополитические принципы евразийства: вызовы новой эпохи // Историческая психология и социология истории. 2017. Т. 10. № 2. С. 122–148.
- Жаде З.А. Геополитическая идентичность России в условиях глобализации. Автореф. дис. ... д-ра пол. наук. Ростов на-Дону, 2007. 51 с.
- Жаде З.А. Региональная идентичность как политологическая проблема // Формирование гражданской личности в современной России: потенциал и модели межнационального и межконфессионального взаимодействия. Матер. междунар. науч.-практ. конф. Саратов: Изд. центр “Наука”, 2007. С. 88–93.
- Журавлев А.Н. Диффузия политических нововведений как пространственный процесс. Дис. ... канд. геогр. наук. СПб., 1993. 250 с.
- Зазнаев О.И. Вторая молодость “долгожителя”: концепт “политический институт” в современной науке // Проблемы политической науки. Казань: Центр инновационных технологий, 2005. С. 3–29.
- Закиров Р.З. К вопросу об особенностях тюрко-татарского национального движения в 1917–1918 годах // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2007. № 18. С. 57–63.
- Закиров Р.З. Татарское национальное движение в 1917–1918 гг. // Изв. Уральского гос. ун-та. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2007. № 52. Вып. 22. С. 338–346.
- Замятин Д.Н. Власть пространства и пространство власти: Географические образы в политике и международных отношениях. М.: РОССПЭН, 2004. 352 с.
- Замятин Д.Н. Геополитика образов и структурирование метапространства // Полис. Политические исследования. 2003. № 1. С. 82–103.
- Здравомыслова Е.А. Социологические подходы к анализу общественных движений // Социологические исследования. 1990. № 7. С. 90–91.
- Исхаков Р.Л. Исторический прообраз федерального округа (к истории Штата Идель-Урал) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 4 (15). С. 83–90.
- Киреев Н.Г. Исламо-турецкий синтез в государственной идеологии Турции // Нации и национализм на мусульманском Востоке / отв. ред. В.Я. Белокре-ницкий, Н.Ю. Ульченко. М.: ИВ РАН, 2015. С. 229–240.

- Красовицкая Т.Ю.* Тюркские элиты России: опыт этнокультурного взаимодействия. Конец XIX в. – 1920-е гг. // Этнография Алтая и сопредельных территорий. 2020. № 10. С. 46–49. <https://doi.org/10.37386/2687-0592-2020-10-46-49>
- Кульшарипов М.М.* Заки Валиди-лидер башкирского национального движения и основатель автономного Башкортостана // Проблемы востоковедения. 2010. № 4 (50). С. 24–28.
- Лавров С.Б.* Лев Гумилев: Судьба и идеи. М.: Айрис-пресс, 2007. 607 с.
- Ларюэль М.* Переосмысление империи в постсоветском пространстве: новая евразийская идеология // Вестн. Евразии. 2000. № 1. С. 5–18.
- Малинова О.Ю.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: РОССПЭН, 2015. 207 с.
- Малинова О.Ю.* Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Политические исследования. 2010. № 2. С. 90–105.
- Наумова Н.И.* Из истории взаимоотношений колчаковской власти и башкирского национального движения (1918–1920 гг.) // Вестн. Томского гос. ун-та. 2003. № 276. С. 90–97.
- Россия регионов: трансформация политических режимов / общ. ред. В. Гельман, С. Рыженков, М. Бри. М.: Весь мир, 2000. 376 с.
- Сенюткина О.Н.* Российский политический тюркизм: истоки и закономерности развития (1905–1916 гг.) // Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Нижний Новгород, 2007. 632 с.
- Такер Р.Б.* Инновации как формула роста. Новое будущее ведущих компаний. М.: Олимп-бизнес, 2006. 224 с.
- Твисс Б.* Управление научно-техническими нововведениями. М.: Экономика, 1989. 217 с.
- Терехов Р.С.* Влияние идеологии пантюркизма на внешнюю политику Османской Империи и Турецкой Республики в XX веке. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2011. 235 с.
- Тихонова Н.Е.* Представления Исмала Гаспринского о евразийской интеграции // История и историческая память. 2018. № 16. С. 38–43.
- Тоган Заки Валиди.* Воспоминания. М., 1997. 650 с.
- Трейвиш А.И.* Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 372 с.
- Туровский Р.Ф.* Политическая регионалистика. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 792 с.
- Турция между Европой и Азией: итоги европеизации на исходе 20 века / отв. ред. Н.Г. Киреев. М.: ИВ РАН, 2001. 536 с.
- Тяпин И.Н.* Отражение внешнеполитического положения России в отечественной геополитической мысли: история и современность // *Historia provinciae* – журн. региональной истории. 2017. Т. 1. № 3. С. 6–23. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2017-1-3-1>
- Усманова Д.М.* Мусульманская фракция и проблемы “свободы совести” в Государственной Думе России (1906–1917) // Казань: Мастер Лайн, 1999. 164 с.
- Федотова Н.Г.* Символический капитал места: понятие, особенности накопления, методики исследования // Вестн. Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2018. № 29. С. 141–155. <https://doi.org/10.17223/22220836/29/13>
- Хабутдинов А.* Институты российского мусульманского сообщества в Волго-Уральском регионе. Litres, 2013. 470 с.
- Червоная С.И.* Идея национального согласия в сочинениях Исмала Гаспринского // Отечественная история. М., 1992. С. 31–34.
- Чуева З.И.* О терминологии и классификации инноваций // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2014. Т. 7. № 16 (202). С. 24–29.
- Юсуф Акчура и симбирские купцы Акчурины: Сб. статей. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 336 с.
- Якунин В.И.* Формирование геостратегий России. Транспортная составляющая. М.: Мысль, 2005. 223 с.
- Bassin M.* The Gumilev mystique: Biopolitics, Eurasianism, and the construction of community in modern Russia. Cornell Univ. Press, 2016. 400 p. <https://doi.org/10.7591/cornell/9780801445941.001.0001>
- Cooke I., Mayers P.* Introduction to Innovation and Technology Transfer. Boston: Artech House, Inc., 1996. 235 p.
- Eisenstadt S.N., Schluchter W.* Introduction: paths to early modernities: a comparative view // *Daedalus*. 1998. V. 127. № 3. P. 1–18.
- Hägerstrand T.* Innovation Diffusion as a Spatial Process. Postscript and translation by Allan Pred. Chicago and London: The Univ. of Chicago Press, 1967. V. XVI. 334 p.
- Landau J.M., Landau Y.M.* Pan-Turkism: From irredentism to cooperation. Indiana Univ. Press, 1995. 275 p.
- Lennrop B.* Innovation diffusion as spatial process (1953): Törsten Hägerstrand. P. Hubbard, R. Kitchin, G. Valentine (Eds.). Key texts in human geography. London: SAGE Publ., 2008. P. 1–9.
- Nas P.J.M.* Cities full of symbols: a theory of urban space and culture. Leiden Univ. Press, 2011. 304 p. <https://doi.org/10.5117/9789087281250>
- Nas P.J.M., Jaffe R., Samuels A.* Urban symbolic ecology and the hypercity: state of the art and challenges for the future. Hypercity: The symbolic side of urbanism, 2006. P. 1–20.
- Rogers E.M.* Diffusion of Innovations, Fifth Edition. N.Y.: Free Press, 2003. 551 p.

Urban Forms of Spatial Diffusion of Geopolitical Innovations in the Russian Federation

K. E. Aksenov^{1, *} and M. V. Andreev^{1, **}

¹ Saint Petersburg State University, Institute of Earth Sciences, St. Petersburg, Russia

*e-mail: axenov@peterlink.ru

**e-mail: maxander1308@gmail.com

The article defines approaches to researching the urban symbolic policy by the innovation theory. Spatial diffusion of geopolitical concepts “Neo-Eurasianism” and “Pan-Turkism” as geopolitical innovations of rele-

vance to the Russian Federation is considered. Following the innovation development since idea's inception, its formalization into a geopolitical concept through to the phase of political conflict and its termination, the authors analyze various urban forms (toponymy, onomastics, iconography, and urban events) linked to names of iconic figures for Neo-Eurasianism (Lev Gumilev) and Pan-Turkism (Ismail Gasprinsky, etc). In the research, the authors fix and describe the usage of urban symbolism by various actors: from municipal and regional authorities to federal and international public and political institutions. The innovation diffusion theory, which is widely applied in domestic and foreign socio-geographical studies, was showed to have heuristic value for studying the spread of geopolitical ideas and concepts. Analysis of data enables to state that urban symbolic policy can produce political space resources for phasing development of geopolitical innovations and their spatial diffusion to be deduced. The authors, observing the installation aspects of monuments to Lev Gumilev, Ismail Gasprinsky, and Zeki Velidi Togan, illustrate the symbolization of Russian public figures and struggle with it as processes of forming and destruction of resources for the development of geopolitical innovation in Russia. Having analyzed the geopolitical innovation processes in Russia, the authors emphasize the following key features of geopolitical innovation: migration process of innovation cores; hierarchical or cascade type of indirect diffusion; "peripheral innovativeness;" "privatization of an innovation by the closest center;" emergence of "network cores" of innovation.

Keywords: geopolitical concepts, geopolitical innovation, urban symbolic policy, Neo-Eurasianism, Pan-Turkism, spatial diffusion, urban monuments

REFERENCES

- Abalmasova N.E. Technologies "symbolic management" in Russian regional policy. *Vestn. Volgograd. Gos. Univ., Ser. 4: Ist.*, 2012, no. 1, pp. 132–137. (In Russ.).
- Abdirashidov Z. *Ismail Gasprinskii i Turkestan v nachale XX veka: svyazi-otnosheniya-vliyanie* [Ismail Gasprinskii and Early 20th Century Turkestan: Communication–Relations–Influences]. Tashkent: Akademnashr Publ., 2011. 385 p.
- Aksenov K.E. Gumilev's ideas and contemporary Russian geopolitics. *Etnograficheskoe Obozrenie*, 2006, no. 3, pp. 44–53. (In Russ.).
- Aksenov K.E. Space and politics. Conceptual approaches to the study of a special subject area. *Region. Politika*, 1993, no. 5, pp. 62–81. (In Russ.).
- Aminov E.R. The specifics of the network interaction of the radical Pan-Turkism supporters. *Prichernomor'e. Istoriya, Politika, Kul'tura*, 2020, vol. 29, pp. 28–36. (In Russ.). doi 10.35103/SMSU.2020.18.15.004
- Auanasova A.M. The spread of the idea of Turkism in the nineteenth and early twentieth centuries among the intellectuals. *Vestn. ZKGU*, 2009, no. 3, pp. 7–17. (In Russ.).
- Avatkov V.A. Turkic world and Turkic organizations. *Mirovaya Politika*, 2018, no. 2, pp. 11–25. (In Russ.). doi 10.25136/2409-8671.2018.2.26047
- Baburin V.L. *Innovatsionnye tsikly v rossiiskoi ekonomike* [Innovation Cycles in Russian Economy]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2002. 120 p.
- Barneva A.Yu. Innovation as an economic category. *Innovatsii*, 2007, no. 9, pp. 61–63. (In Russ.).
- Bassin M. *The Gumilev Mystique: Biopolitics, Eurasianism, and the Construction of Community in Modern Russia*. Cornell Univ. Press, 2016. 400 p.
- Bourdieu P. *Practical Reason: On the Theory of Action*. Stanford Univ. Press, 1998. 168 p.
- Chervonnaya S.M. The idea of national harmony in the writings of Ismail Gasprinskii. In *Otechestvennaya istoriya* [National History]. Moscow, 1992, pp. 31–34. (In Russ.).
- Chueva Z.I. On terminology and classification of innovations. *Finansovaya Analitika: Problemy i Resheniya*, 2014, vol. 7, no. 16(202), pp. 24–29. (In Russ.).
- Cities Full of Symbols: A Theory of Urban Space and Culture*. Nas P.J.M., Ed. Leiden Univ. Press, 2011. 304 p.
- Cooke I., Mayers P. *Introduction to Innovation and Technology Transfer*. Boston: Artech House, 1996. 235 p.
- Dugin A.G. *Osnovy geopolitiki* [The Foundations of Geopolitics]. Moscow: Arktogetya Publ., 1997. 608 p.
- Eisenstadt S.N., Schluchter W. Introduction: paths to early modernities: a comparative view. *Daedalus*, 1998, vol. 127, no. 3, pp. 1–18.
- Elatskov A.B. *Obshchaya geopolitika: voprosy teorii i metodologii v geograficheskoi interpretatsii* [General Geopolitics: Theoretical and Methodological Issues in Geographical Interpretation]. Moscow: Infra-M Publ., 2017. 251 p. doi 10.12737/21203
- Erasov B. S. Socio-cultural and geopolitical principles of eurasianism: challenges of the new era. *Istoricheskaya Psikhologiya i Sotsiologiya Istorii*, 2017, vol. 10, no. 2, pp. 122–148. (In Russ.).
- Fedotova N.G. Symbolic capital of the place: notion, peculiarities of accumulation, research methods. *Vestn. Tomsk. Gos. Univ. Kulturologiya i Iskustvovedenie*, 2018, no. 29, pp. 141–155. (In Russ.).
- Gataullin A.G. Zainutdinov D.R. The model of national-cultural autonomy of muslims of 1917: an analysis of the legal nature through the prism of modernity. *Nauchn. Tatarstan*, 2019, no. 2, pp. 36–52. (In Russ.).
- Gel'man V.Ya. Political elites and strategies of regional identity. *Zh. Sotsiol. i Sotsial'n. Antropologii*, 2003, vol. 4, no. 2, pp. 91–105. (In Russ.).
- Goldyakova T.V. Concept and classification of innovations. *Russ. Vneshneekonom. Vestn.*, 2006, no. 2, pp. 20–27. (In Russ.).
- Hägerstrand T. *Innovation Diffusion as a Spatial Process*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1967. 334 p.
- Iskhakov R.L. The historical prototype of the federal district (About history of the Idel'-Ural State). *Oikumena. Region. Issled.*, 2010, vol. 15, no. 4, pp. 83–90. (In Russ.).
- Khabutdinov A. *Instituty rossiiskogo musul'manskogo soobshchestva v Volgo-Ural'skom regione* [Institutions of the Russian Muslim Community in the Volga-Ural Region]. Litres Publ., 2013. 470 p.
- Kireev N.G. The islamic-turkish synthesis in the state ideology of Turkey. In *Natsii i natsionalizm na musul'manskoy Vostokey* [Nations and Nationalism in the Muslim East]. Belokrenitskii V.Ya., Ul'chenko N.Yu., Eds. Moscow: Inst. Vostokovedeniya RAN, 2015, pp. 229–240. (In Russ.).

- Krasovitskaya T.Yu. The Turkic elites of Russia: the experience of ethnocultural interaction. the end of the 19th century to the 1920s. *Etnografiya Altaya i Sopredel'nykh Territorii*, 2020, no. 10, pp. 46–49. (In Russ.).
- Kul'sharipov M.M. Zaki Validi — leader of the Bashkir national movement and founder of autonomous Bashkortostan. *Probl. Vostokovedeniya*, 2010, vol. 50, no. 4, pp. 24–28. (In Russ.).
- Landau J.M., Landau Y.M. *Pan-Turkism: From Irredentism to Cooperation*. Indiana Univ. Press, 1995. 275 p.
- Laruelle M. Rethinking empire in the post-Soviet space: a new Eurasian ideology. *Vestn. Evrazii*, 2000, no. 1, pp. 5–18. (In Russ.).
- Lavrov S.B. *Lev Gumilev: Sud'ba i idei* [Lev Gumilev: Destiny and Ideas]. Moscow: Airis-press, 2007. 607 p.
- Lenntrop B. Innovation diffusion as spatial process (1953): Törsten Hägerstrand. In *Key Texts in Human Geography*. Hubbard P., Kitchin R., Valentine G., Eds. London: SAGE, 2008, pp. 1–9.
- Malinova O.Yu. *Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuyushchei elity i dilemmy rossiiskoi identichnosti* [The Actual Past: Symbolic Politics of the Ruling Elite and the Dilemmas of Russian Identity]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2015. 207 p.
- Malinova O.Yu. Symbolic politics and the construction of macro-political identity in post-Soviet Russia. *Polis. Polit. Issled.*, 2010, no. 2, pp. 90–105. (In Russ.).
- Nas P.J.M., Jaffe R., Samuels A. Urban symbolic ecology and the hypercity: state of the art and challenges for the future. In *Hypercity: The Symbolic Side of Urbanism*. London: Kegan Paul, 2006, pp. 1–20.
- Naumova N.I. Some problems of history of connections Kolchak power and Bashkir national movement (1918–1920). *Vestn. Mosk. Gos. Univ.*, 2003, vol. 276, pp. 90–97. (In Russ.).
- Rogers E.M. *Diffusion of Innovations*. N.Y.: Free Press, 2003. 551 p.
- Rossiya regionov: transformatsiya politicheskikh rezhimov [Russia of the Regions: The Transformation of Political Regimes]. Gel'man V., Ryzhenkov S., Bri M., Eds. Moscow: Ves' Mir Publ., 2000. 376 p.
- Senyutkina O.N. Russian political Turkism: origins and patterns of development (1905–1916). *Extended Abstract of Cand. Sci. (History) Dissertation*. Nizhny Novgorod, 2007. 632 p.
- Terekhov R.S. The influence of Pan-Turkism ideology on the foreign policy of the Ottoman Empire and the Republic of Turkey in the twentieth century. *Extended Abstract of Cand. Sci. (History) Dissertation*. Nizhny Novgorod, 2011. 235 p.
- Tikhonova N.E. Ismail Gasprinskii's ideas about Eurasian integration. *Istoriya i Istoricheskaya Pamyat'*, 2018, no. 16, pp. 38–43. (In Russ.).
- Togan Zaki Validi. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow, 1997. 650 p.
- Treivish A.I. *Gorod, raion, strana i mir. Razvitie Rossii glazami stranoveda* [City, District, Country and World. Development of Russia through the Eyes of a Human Geographer]. Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2009. 372 p.
- Tucker R.B. *Innovatsii kak formula rosta. Novoe budushchee vedushchikh kompanii* [Innovation as a Formula for Growth. A New Future for Leading Companies]. Moscow: Olymp-business Publ., 2006. 224 p.
- Turovskii R.F. *Politicheskaya regionalistika* [Political Regional Studies]. Moscow: GU VShE, 2006. 792 p.
- Turtsiya mezhdru Evropoi i Aziei: itogi evropeizatsii na iskhode 20 veka [Turkey between Europe and Asia: the Outcome of Europeanisation at the End of the 20th Century]. Kireev N.G., Ed. Moscow: Inst. Vostokovedeniya RAN, 2001. 536 p.
- Twiss B. *Managing Technological Innovation*. London: Longman, 1980. 240 p.
- Tyapin I.N. Reflection of Russia's foreign policy in Russian geopolitical thought: history and modernity. *Historia provinciae*, 2017, vol. 1, no. 3, pp. 6–23. (In Russ.).
- Usmanova D.M. *Musul'manskaya fraktsiya i problemy "svobody sovesti" v Gosudarstvennoi Dume Rossii (1906–1917)* [The Muslim Faction and the Problems of "Freedom of Conscience" in the State Duma of Russia (1906–1917)]. Kazan': Master Lain, 1999. 164 p.
- Vasil'eva S.A. Pan-Turkism at the present stage: theoretical background and practical activities. *Sotsium i Valst'*, 2011, no. 3, pp. 75–78. (In Russ.).
- Vasil'eva S.A. The basic principles of Pan-Turkism's ideology and their evolution. *Aktual'nye Probl. Gumanitarnykh i Estestvennykh Nauk*, 2012, no. 3, pp. 272–274. (In Russ.).
- Yakunin V.I. *Formirovanie geostrategii Rossii. Transportnaya sostavlyayushchaya* [Developing Geostrategies in Russia: The Transport Component]. Moscow: Mysl' Publ., 2005. 223 p.
- Yusuf Akchura i simbirskie kuptsy Akchuriny [Yusuf Akchura and the Akchurins merchants of Simbirsk]. Kazan': Inst. Istorii im. Sh. Mardzhani, 2017. 336 p.
- Zakirov R.Z. On the peculiarities of the Turkic-Tatar national movement in 1917–1918. *Vestn. Chelyabinsk. Gos. Univ.*, 2007, vol. 18, pp. 57–63. (In Russ.).
- Zakirov R.Z. The tatar national movement in 1917–1918. *Izv. Ural. Gos. Univ., Ser. I: Probl. Obrazovaniya, Nauki i Kul'tury*, 2007, vol. 52, pp. 338–346. (In Russ.).
- Zamyatin D.N. The geopolitics of images and the structuring of meta-space. *Polis. Polit. Issled.*, 2003, no. 1, pp. 82–103. (In Russ.).
- Zamyatin D.N. *Vlast' prostranstva i prostranstvo vlasti: Geograficheskie obrazy v politike i mezhdunarodnykh otnosheniyakh* [Power of Space and Space of the Power: Geographical Images in Policy and The International Relations]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004. 352 p.
- Zaznaev O.I. The second youth of the "long-lived": the concept of "political institution" in modern science. In *Problemy politicheskoi nauki* [Problems of Political Science]. Kazan: Tsentr Innovatsionnykh Tekhnol., 2005, pp. 3–29. (In Russ.).
- Zdravomyslova E.A. Sociological approaches to the analysis of social movements. *Sotsiol. Issled.*, 1990, no. 7, pp. 90–91. (In Russ.).
- Zhade Z.A. Regional identity as a political science problem. In *Formirovanie grazhdanskoi lichnosti v sovremennoi Rossii: potentsial i modeli mezhnatsional'nogo i mezhkonfessional'nogo vzaimodeistviya* [Forming a Civic Personality in Modern Russia: Potential and Models of Interethnic and Interfaith Interaction]. Saratov: Nauka Publ., 2007, pp. 88–93. (In Russ.).
- Zhade Z.A. Russia's geopolitical identity in a globalized world. *Extended Abstract of Cand. Sci. (Politics) Dissertation*. Rostov-on-Don, 2007. 51 p.
- Zhuravlev A.N. Diffusion of political innovations as a spatial process. *Cand. Sci. (Geogr.) Dissertation*. St. Petersburg, 1993. 250 p.